

**АКТУАЛЬНАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ОПЫТОВ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ «ПО ПЕНСИОННОЙ ЧАСТИ» (XVIII–XIX вв.)**

П.А. Орлов

Имперский период российской истории рассматривается в контексте ретроспективы развития общегосударственных «казенных установлений» и опытов учреждения специализированных ведомственных институций «по пенсионной части».

Ключевые слова: социальная политика, Российская империя, пенсия, эмеритальная касса, горнозаводское товарищество.

Сохраняющая свою актуальность история опытов государственных преобразований в правилах обеспечения пенсионных «милостей», «гарантий» и «прав» подданных в связи с их «подвигами», «службами» или же «заводскими работами» для большинства исследователей выглядит выбором, несомненно, субъективным (если не личным). Про собственный интерес позволю оговориться, что предпочел бы обнаружить затруднение при доказательстве «важности» темы «для настоящего», если бы в нем – настоящем – происходили хоть сколько-нибудь позитивные перемены.

Однако признание «кризисным» порядка вещей в современной отечественной пенсионной системе по-прежнему не требует специальных усилий – достаточно попытаться «добыть» все правильные нормативные основания и вычислить-таки номинал своей будущей трудовой пенсии (конечно, не прибегая к «пенсионному калькулятору», безделице, «потешный» смысл которой, кажется, остался неочевиден разве что для Председателя нашего Правительства [1]).

Концептуально оформленное более двадцати лет назад [2] намерение сделать так, чтобы помимо бюджета государства ключевое значение в сфере «пенсионирования» приобрели – при надлежащей финансовой и организационной устойчивости – корпоративные пенсионные системы (*то есть те, в которых сочеталась бы ответственность работников, осмысленно перечисляющих часть своих доходов в пенсионную кассу (созданную по ведомственному, отраслевому или территориальному признаку), и собственно предприятий, участвующих в этой кассе своими активами*), не смотря на «все заклинания» и из-за «ошибки в расчётах» – так и «не заработало» [3]. И потому, как очередные официальные попытки «сформулировать» новую парадигму обеспечения старости [4] вызывают (с потерей числа всем бывшим объявлениям об «эффективности» и «перспективах») лишь отторжение [5], а треть россиян декларирует «абсолютное безразличие» к «текучке» пенсионных преобразований [6] – в таком случае поиск [7] возможных (и подчеркнуто-патриотических!) примеров «нормальности» государственной социальной политики априори оказывается обращенным в прошлое [8].

С учетом, что на протяжении двухсот лет относительно успешных проектных усилий в «постановке» специализированных институций, аккумулировавших средства ради «воплощения благодетельных правил и мер устройства казенных пенсионеров» в разной мере поучаствовали все российские самодержцы, уникальность избранного временного отрезка связана именно с совпадением в нем сразу нескольких различающихся по характеру и динамике «модернизационных трендов».

Высочайшее представительство в этой теме «открыл» Петр I, определивший в свое время в Воинском Морском Уставе [9] категориальный состав заслуживающих «награждения» («изувеченные в бою», «старые», вдовы и дети «убитых на баталии» или «умерших в службе») и конкретное содержание «опций» по его исполнению («употребление» увечного «к магазинам, в гарнизоны или статскую службу» или «в гошпитале кормить до его смерти» или давать «годовое жалование и пашпорт»; предоставление вдове и детям убитого или умершего положенной трофейной «добычи из баталии», и им же – «дача» соответствующей доли жалования на время, зависимое от возраста и иных обстоятельств).

При Петре II «пенсионные преимущества» стали назначать «не имеющим своих доходов» семействам погибших на службе сухопутных армейских «офицеров иноземцев».

Анна Иоанновна «отнесла» действие петровских флотских законоположений на вдов мастеровых (!) Сестрорецкого и Тульского оружейных заводов (бывших в ведении Адмиралтейств-коллегии и Главной артиллерийской канцелярии), а также и на служителей Санкт-Петербургской Академии навигацких наук.

Утвержденные Елизаветой Петровной для Комиссариатского правления Регулы [10] содержали опись о «положенных» чинам армии «жаловании, провианте, ружье, мундире, амуниции» и «прочих вещах», в числе которых определялись «производство жалования отставным от службы в день выключки их», «дача» жалования «наследникам после умерших (офицеров) женам и детям» и «женам и детям убитых и умерших иностранных офицеров».

Значимые переустройства в действующую систему «милостей» и «благоусмотрений» сделала и Екатерина II, введя ограничения (пребывание в «штате» или в ожидании «вакансии», учет принадлежащих крепостных и «женам принадлежащих недвижимых имений») для всех лиц, выслуживших пенсии на военной, статской или на морской службе; и начав формирование так называемых отдельных ведомственных пенсионных капиталов (!).

И хотя к концу ее царствования выплаты на всех «честно отставивших службы и труды» (по ранению, болезни, возрасту или выслуге) и их иждивенцев достигали 300 тыс. руб., уже Павел I [11] «возвеличил» эту общую сумму до 555 тыс. руб. в год (по которой для военных определялись 360 тыс. руб., флотским – 75 тыс. руб., гражданским – 120 тыс. руб.), а Александр I продолжил наращивать «пенсионные установления» в различных ведомствах и отделах.

Множество столь замысловатых условий (и опиравшихся на правила, и спонтанных), не могло не спровоцировать вопроса о «дороговизне затрат».

И здесь решающее значение – в смысле определения верховенства оснований «формальных» (личная выслуга) перед «пожалованными» (монаршей властью) – сыграл Устав о пенсиях и единовременных пособиях 1827 г. [12] (*вошедший в первое 1832 г. и все последующие полные (1842 и 1857 г.) и неполные (1836, 1876, 1885, 1886, 1887, 1889, 1893 гг.) издания «Свода законов»*). Уставная унификация, проведенная с несомненным интересом об экономии год от года растущего пенсионного бюджета, цели своей в перманентно готовящейся к войне и регулярно воюющей империи достичь не могла – и тем самым предопределила продолжение поиска иных возможностей «переделки обременительных для казны расходов».

Тем не менее, было бы упрощением видеть в «обзаведении» эмеритальными кассами (от лат. *emere*; *emeritus*, *emereo* – отслуживший, старый; заслуженный, заслуживаю) лишь следствие провальной крымской компании.

Учреждение с середины 1850-х гг. этого нового «порядка скопления прибавок» к казенным пенсиям «в свою собственную пользу и в будущих интересах законных наследников» действительно могло компенсировать отставнику ожидаемое «от выхода со службы» ухудшение финансового положения (*А.Ф. Редигер, вспоминая о детстве писал, как «в начале 1861 года потряслась над нами беда, (...): отец неожиданно был уволен в отставку. (...) Переход (...) на пенсию по чину генерал-лейтенанта (эмеритуры еще не давалось) был тяжел»*) [13].

А потому вслед за морским (1856 г.) [14] и военно-сухопутным ведомствами (1859 г.) [15], эмеритуры были «развернуты» в важнейших правительственных министерствах (горном [16], путей сообщения [17], детских приютов [18], судебном [19], почтово-телеграфном [20], удельном [21] и пр. [22]), а позднее – и в земствах нескольких губерний [23].

Как известно, у избранных волей Николая I предпочтительной формой «пенсирования любезного чиновничества» *эмеритальных касс* имелась неоднозначная особенность – постоянное и точное равновесие их средств и обязательств не было безусловным [3].

С одной стороны, кассовые доходы были ограничены и зависели от поступлений фиксированных процентов с жалования, столовых, квартирных, денщицких и прочих «сумм» участников, но могли и значительно «возвыситься», например, по факту «Всемиловейших кассе дарований» или при увеличении штатов в отдельных учреждениях и по всему ведомству; с другой – расходы касс «слагались» под влиянием не просто «случайных», но «трудно прогнозируемых» обстоятельств (количества членов кассы, достигших в отчетном году необходимой для пенсии и отставки выслуги лет; их распределения по чинам, должностям и окладам; или их возрастов, семейного положения и числа детей).

Такое «устройство» – когда ключевые балансовые параметры «кассовой состоятельности» могли «опасно» меняться вне всякой зависимости друг от друга, «усугублялось» еще и тем, что сами эмеритальные капиталы в Главном казначействе отнюдь не «хранились», а активно «употреблялись» в сделках и операциях с банковскими процентными бумагами (и извлекая тем самым «эффекты» от их «прочности», и неся известные финансовые потери из-за их «ненадежности») [24].

Являя собой неповторимый «казус» развития (и, как вышло с кассой в таможенном ведомстве – весьма скоротечный [25]), каждое из «статских» эмеритальных учреждений с остальными «сходилось» общей «слабостью» – невозможностью претендовать на «правительственное пожертво-

вание» при необходимости срочного покрытия кассового дефицита (на такую «лояльность», могли рассчитывать, скорее, лишь стратегические «армейская» и «флотская» кассы).

Однако у «выстроенных» на принципах *коллегиальности, финансовой прозрачности и организационной открытости* эмеритальных касс, имелась и «сильная» сторона.

Представляется закономерным не только возникновение дискурса по тематике «корпоративных» эмеритур и активное обсуждение «их обстоятельств», прежде всего – самими «будущими эмиритами», но и привлечение к оценкам текущих и перспективных кассовых вопросов квалифицированных знатоков «сего рода учреждений».

Круг лиц не просто «со взглядами» на явно «специфичный предмет», но обладающих «значительной статистической эрудицией», «знакомых вполне с теорией вероятий», «бойко владеющих математическим анализом», способных провести сложные вычисления и доказать выводы по ним соотносительно с «данными ревизии» конкретной кассы хотя и складывался достаточно спонтанно, за короткое время «составился» в полноценное экспертное сообщество.

При том, как «расчетной» стороной эмеритальных касс в разное время занимались М.В. Остроградский, В.Я. Буняковский, К.С. Веселовский, И.П. де-Колонг, Б.Ф. Малешевский, Г.Ф. Тигранов, А.П. Рудановский, А.Н. Крылов, В.М. Сухомель, ее скорому выходу за рамки сугубо бюрократического обращения «отношений и мнений начальств и инстанций» собственно «на публику», немало способствовало наличие в России качественной ведомственной журнальной периодики [26].

В свою очередь, нельзя не упомянуть, как практически одновременно – в ходе реформы 1860-х гг. – страховые практики пенсионирования «чинов военной, морской, гражданской и общественной службы» были экстраполированы (при отсутствии общегосударственных рабочих законов!) в сферу «обеспечения старости» так называемого «промышленного населения» [27].

Например, предусмотренные по Положению 8 марта 1861 г. [28], *горно-заводские товарищества* в течение трех последующих десятилетий «сложились» в систему, в основном охватившую центры присутствия казенного горнозаводского хозяйствования (оговорюсь, что товарищества «полагались» и на частных заводах – в первом пореформенном издании Горного устава (1876 г.), в порядке ст. 659 предусматривалось «учреждение их по обоюдному согласию заводоладельцев и работающих людей»).

Вообще же, объявленные как «необходимая при любом большом заводе или руднике мера» для «попечения о рабочих в болезни, в старости, при несчастиях», призрения вдов, сирот и «вообще принятия действий, полезных горнорабочим», товарищества «государственного статуса» *не имели*. Учредительное решение повсеместно принималось «всенепременно осоз-

нано всем сообществом» мастеровых, занятых на конкретном предприятии и пожелавших «войти в товарищество своими взносами»; а для «взятых в работы» позднее, поступление в товарищество считалось «обязательным, но воспринятым по доброй воле, предложением заводских администраторов».

Потому и «согласование» полутора десятков товариществ «вышло» более чем продолжительным (в 1862 г. образовалось Алагирское (Кавказ) товарищество, в 1865 г. – Нижнетуриинское; за 1866 г. появились Златоустовское, Миасское, Верхнетуриинское, Баранчинское, Серебрянское, Каменское; позднее – Кушвинское и Нижнеисетское в 1867 г. (последнее было упразднено в 1906 г. в связи с закрытием Нижнеисетского завода), Илимское (Алтай) и Кусинское – в 1869 г., Олонецкое (Карелия) и Воткинское – в 1873, Пермское и Саткинское – в 1886 г.; наконец, – Артинское в 1895 г.); а их реальная «состоятельность» к 1914 г. выразилась, в частности, в превышающую 2 млн. руб. сумму общего кассового капитала, более чем 6 тысячах пенсионеров при около 23 тысячах участников (в т.ч. 398 женщин).

Очевидно, нормативное и организационное воплощение системы товариществ не могло не вызвать разноречивых и неоднозначных оценок современников (И.Д. Гопфенгаузена, К. Лонгинова, В. А. Латынина, П. Михайлова, А.М. Лоранского, Н.П. Колюпанова, М.П. Герасимова, А.П. Кёппена, Г.Ф. Тигранова, С.П. Гусятникова), писавших о них и откровенно скептически (со ссылками на тотальное российское отставание «на этой стезе» от Бельгии, Австрии, Франции, Англии и государств, входящих в состав Германской империи – где «о чем-то подобном упоминалось еще в Куттенбергском горном положении 1300 г.»), и видевших в них «потенцию» к преодолению развития «внутри (...) государства столь вредного червя, как пролетариат» [29].

Важно, что «всяческие приготовления», чтоб «возбудить в мастеровых охоту принять звание члена товарищества» не могли, да и не сводились только лишь «к проведению арифметических упражнений с взятыми в пример их стажами и суммами членских взносов», но «объясняющая выгоды» активная пропаганда заводоуправлений сочеталась с «избеганием форсировать» принятие как принципиальных, так и практических мер для образования товариществ [30].

В целом же, вышесказанное вполне позволяет рассматривать ретроспективу перемен «по пенсионной части» в имперский период как нетривиальную и значимо-показательную для настоящего момента российской действительности «историю успеха».

Библиографический список

1. Епифанова, М. «Забудьте про пенсионный калькулятор!» Е. Гонтмахер – о том, почему теперь размер нашей пенсии будет зависеть от политики государства / М. Епифанова // Новая газета. – 18.09.2013. – № 104.

2. Концепция реформы системы пенсионного обеспечения в Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 07.07.1995 г. № 790.
3. Дмитрий Медведев встретился с членами Российского союза промышленников и предпринимателей. – URL: <http://правительство.рф/docs/21729/>.
4. Половинко, Н. Реформирование пенсионной системы в цитатах высокопоставленных чиновников / Н. Половинко // Новая газета. – 08.08.2014. – № 87.
5. Смирнов, С. Новая пенсионная формула ликвидирует связь между трудовыми усилиями и будущим размером пенсии / С. Смирнов // Новая газета. – 8.07.013. – № 73.
6. Ширманова, Т. Трети россиян безразлична пенсионная реформа. Равнодушие граждан указывает на снижение доверия к государственной пенсионной системе, считают эксперты / Т. Ширманова. – URL: <http://izvestia.ru/news/559235>.
7. Заплатят сколько захотят. Российские власти взяли курс на отмену обязательных пенсионных накоплений и перевод их на добровольную основу. – URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/yopolisnews/1384432-echo/>.
8. Дегтярев, Г.П. Пенсионные реформы в России / Г.П. Дегтярев. – М.: Academia, 2003. – 336 с.
9. Морской устав: Полное собрание законов Российской империи (Далее – ПСЗ РИ). Собр. I. Т. VI. (13.01.1720 г.) № 3485.
10. Высочайше утвержденные для Комиссариатского правления Регулы: ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XV. (09.01.1758 г.) № 10.789.
11. О прибавке пенсионной суммы, определенной для удовлетворения находящихся в службе чинов: ПСЗ РИ Собр. I. Т. XXIV. (18.12.1797 г.) № 18.276.
12. Устав о пенсиях и единовременных пособиях: ПСЗ РИ. Собр. II. Т. II. (6.12.1827 г.) № 1592.
13. Редигер, А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра / А.Ф. Редигер; под общ. ред. И.О. Гаркуши и В.А. Золотарева. – М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. – В 2 т. – Т. 1. – С. 27–28.
14. Об учреждении в морском ведомстве эмеритальной пенсионной кассы: ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXI. Ч. 1. (23.01.1856 г.) № 30084; Высочайше утвержденное Положение об эмеритальной пенсионной кассе морского ведомства: ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXIII. Ч. 1. (30.04.1858 г.) № 33078.
15. Об увеличении содержания служащих по военно-сухопутному ведомству и об учреждении эмеритальной кассы для чинов сего ведомства: ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXIV. Ч. 1. (17.04.1859 г.) № 34383; Высочайше утвержденное Положение об эмеритальной кассе военно-сухопутного ведомства: ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXIV. Ч. 1. (25.07.1859 г.) № 34674.
16. Об увеличении жалования обер-офицерам Корпуса горных инженеров и учреждении для всех офицеров сего Корпуса эмеритальной кассы: ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXV. Ч. 1. (08.07.1860 г.) № 36003.
17. Об увеличении жалования обер-офицерам ведомства путей сообщения и учреждении эмеритальной кассы для офицеров сего ведомства: ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXV. Ч. 2. (25.08.1860 г.) № 36108.
18. Положение об эмеритальном капитале ведомства детских приютов: ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XL. Ч. 1. (15.06.1865 г.) № 42166.

19. Устав эмеритальной кассы судебного ведомства: ПСЗ РИ. Собр. III. Т. V. (03.06.1885 г.) № 3012.
20. Об образовании эмеритальной кассы почтово-телеграфного ведомства: ПСЗ РИ. Собр. III. Т. VIII. (07.01.1888 г.) № 4938.
21. Положение об Эмеритальной Кассе удельного ведомства: ПСЗ РИ. Собр. III. Т. XIX. (23.12.1899 г.) № 17911.
22. Положение об эмеритальной кассе Санкт-Петербургской пожарной команды: ПСЗ РИ. Собр. III. Т. I. (15.05.1881 г.) № 168; Положение об эмеритальной кассе при Санкт-Петербургской Николаевской детской больнице: ПСЗРИ. Собр. III. Т. XI. (15.06.1891 г.) № 7871.
23. О главных основаниях для учреждения земских эмеритальных касс: ПСЗ РИ. Собр. III. Т. III. (05.04.1883 г.) № 1485.
24. О конверсии некоторых внутренних 5% займов и выпуске государственной 4% ренты: ПСЗ РИ. Собр. III. Т. XIV. (12.04.1894 г.) № 10503.
25. Об учреждении эмеритальной кассы общей для всего таможенного ведомства: ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXV. Ч. 1. (15.04.1860 г.) № 35698; О прекращении вычетов и взносов в эмеритальную пенсионную кассу таможенного ведомства и о ликвидации сей кассы: ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XL. Ч. 2. (26.11.1865 г.) № 42716.
26. Мохначева, М.П. Журналистика и историческая наука / М.П. Мохначева // В 2 кн. – Кн. 2. Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. – М.: Изд-во РГГУ, 1999. – 470 с.
27. По запросам разных мест и лиц о мерах, принимаемых Правительством к обеспечению быта промышленного населения в старости (1892 г.): Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 58. Д. 18. Л. 3–4 об.
28. Положение о горнозаводском населении казённых горных заводов ведомства Министерства финансов: ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXV. Ч. 1. (08.03.1861 г.) № 36719. Гл. II. Ст. 55–70.
29. Кёппен, А.П. Вспомогательные кассы для горнорабочих (Горнозаводские товарищества) / А.П. Кёппен // Горный журнал. – 1885. – Т. 1. – № 1–3. – С. 271–332, 460–504.
30. Латынин, В.А. О Нижнетуриинском горнозаводском товариществе / В.А. Латынин // Горный журнал. – 1865. – Т. 3. – № 9–10. – С. 345–381.

[К содержанию](#)